

В А Т И В А Н

КУЛЬТЫ.
ЛЕГЕНДЫ.
ПРЕДАНИЯ

Сборник

**Кавказ. Выпуск V. Культы,
легенды, предания**

Редакция журнала "Эльбрус"

2010

УДК 91(479)031
ББК 26.9(531)Я2

Сборник

Кавказ. Выпуск V. Культы, легенды, предания / Сборник —
Редакция журнала "Эльбрус, 2010

ISBN 978-5-93680-389-5

В очередной том серии «Кавказ» вошли не переиздававшиеся сто и более лет работы, авторами которых являются в основном известные ученые-этнографы. Предваряет выпуск труд В. В. Швецова «Очерк о кавказских горских племенах, с их обрядами и обычаями в гражданском, воинственном и домашнем духе», впервые напечатанный в 1855 г. Двумя исследованиями представлены глубокий знаток истории Кавказа Е. Г. Вейденбаум – «Священные рощи и деревья у кавказских народов» (1878) и «Кавказские амазонки» (1872); разносторонний этнограф-кавказовед Г. Ф. Чурсин – «Очерки по этнологии Кавказа» (1913) и «Амулеты и талисманы кавказских народов» (1929); известный этнограф, археолог, фольклорист В. Ф. Миллер – «Кавказские сказания о великанах, прикованных к горам» (1883) и «Кавказские сказания о циклопах» (1890). В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 91(479)031

ББК 26.9(531)Я2

ISBN 978-5-93680-389-5

© Сборник, 2010

© Редакция журнала "Эльбрус, 2010

Содержание

От издательства	6
Василий Швецов. Очерк о кавказских горских племенах, с их обрядами и обычаями в гражданском, воинственном и домашнем духе	8
Вступление	9
Быт горцев	14
Домашние потребности	15
Порядок домашней жизни и обрядов ее	16
Обряды свадебные	18
Похоронный обряд	20
Мужские беседы	22
Обряды веры	23
Воспитание детей	25
Воспитание женского пола	27
Народные сходки, или совещания	28
Суеверие	31
Администрация и некоторые законы	32
Некоторые законы из алкорана	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Кавказ. Выпуск V. Культы, легенды, предания

© Издательство М. и В. Котляровых, 2010

От издательства

В очередной том серии «Кавказ» вошли не переиздававшиеся сто и более лет работы, авторами которых являются в основном известные русские ученые-этнографы. Но предваряет выпуск статья *Василия Васильевича Швецова*, 45 лет прослужившего на Кавказе, в основном, в Ставрополе. В 1826–1827 годах он являлся начальником Кабарды; в 1842 году, будучи статским советником, жил в Пятигорске. В том же году представил военному министру записку «Краткое обозрение нынешнего состояния горских народов Лево́й стороны Кавказской области и причин их возмущения».

Публикуемый «Очерк о кавказских горских племенах, с их обрядами и обычаями в гражданском, воинственном и домашнем духе» был впервые напечатан в 1855 году в журнале «Москвитянин» и с тех пор не переиздавался. Как свидетель времени и царивших в русском обществе на тот момент представлений о народах Кавказа, он и интересен, несмотря даже на то, что, по мнению кавказоведа М. О. Косвена, его очерк «содержит немало ошибок и нелепостей».

Двумя работами – «Священные рощи и деревья у кавказских народов» (1878) и «Кавказские амазонки» (1872) – представлен в настоящем томе *Евгений Густавович Вейденбаум* (1845–1918). Он окончил Петербургский университет, служил на Кавказе, с 1897 года состоял членом, а с 1904 года председателем Кавказской археографической комиссии. Этнографом, как таковым (то есть исследователем определенных народов), пишет М. О. Косвен, он не был, но зато «явился первым в числе вообще весьма немногочисленных в дореволюционной этнографии Кавказа авторов, занимавшихся обобщением кавказского этнографического материала по отдельным темам».

Именно поэтому по-прежнему представляют интерес публикации Е. Г. Вейденбаума «Заметки об употреблении камня и металлов у кавказских народов» (1876), «По поводу черкесов в Дагестане» (1876), сборник «Кавказские этюды» (1901), перевод книги итальянца Ксаверио Главани «Описание Черкесии, 1724 г.», свидетельствующие о глубоком, разностороннем знании ученым истории Кавказа.

Григорий Филиппович Чурсин (1874–1930) также представлен в нашем издании двумя работами – большим исследованием «Очерки по этнологии Кавказа» (1913) и написанным уже в советское время очерком «Амулеты и талисманы кавказских народов» (1929).

Он окончил Тифлисский учительский институт, работал учителем, редактором Закавказского статистического комитета, хранителем Кавказского музея в Тифлисе, редактором журнала «Целебный Кавказ»; в советское время – в Кавказском историко-археологическом институте, далее в Ленинградском государственном университете, где читал лекции по этнографии Кавказа.

Г. Ф. Чурсин – «активный, плодовитый, разносторонний этнограф-кавказовед, как его характеризует М. О. Косвен, соединивший в своей многолетней деятельности конкретно-описательную работу с обобщающей трактовкой различных этнографических тем на кавказском материале. В области конкретной этнографии, начав с Карачая, он дал последовательно работы по Кахетии, Юго-Осетии, Азербайджану, Аджарии, Дагестану, Армении, охватив в пределах Кавказа весьма широкую этнографическую арену».

Несмотря на определенную описательность, лучшие работы Г. Ф. Чурсина не потеряли своей значимости.

Всеволод Федорович Миллер (1848–1913), чьи работы публикуются в приложении, – известный этнограф, археолог, фольклорист, знаменитый исследователь Кавказа, древностям и племенам которого он оставался верен, по выражению графини П. С. Уваровой, до конца жизни.

Окончив историко-филологический факультет Московского университета в 1870 году, он был оставлен при университете, став в 1877 году доцентом, а в 1884 году профессором университета. В служебной биографии В. Ф. Миллера – должности хранителя Дашковского этнографического музея, председателя Восточной комиссии Московского археологического общества, основателя, а затем и редактора журнала «Этнографическое обозрение», директора Лазаревского института восточных языков...

Список его трудов впечатляющ: в 3–4-м выпуске «Этнографического обозрения» за 1913 год, посвященном незабвенной памяти Всеволода Федоровича Миллера, имеется библиографический указатель, содержащий 209 публикаций. Многие из них посвящены Кавказу, где ученый бывал неоднократно: «Осетинские этюды», «В горских обществах Кабарды», «Археологические экскурсии в Терской области», «Отголоски кавказских верований на могильных памятниках», «О некоторых древних погребальных обрядах на Кавказе» и др.

В. Ф. Миллер был убежден, что Кавказ представляет собой своего рода заповедник для изучения всемирной истории. «Здесь, на Кавказе, – писал он, – этнограф может черпать старину полною рукой и всюду собирать обширный материал для своих наблюдений».

Как пишет архивист Е. С. Тютюнина, «крупнейшей заслугой В. Ф. Миллера надо признать целенаправленный поиск разнообразных источников для ответов на поставленные вопросы. Его источниковая база представляет собой комплекс лингвистических, фольклорных, этнографических, археологических, эпиграфических, антропологических данных, а также письменных и литературных материалов».

Публикуемые ниже работы «Кавказские сказания о великанах, прикованных к горам» и «Кавказские сказания о циклопах» – яркое подтверждение вышесказанного.

В заключение скажем, что побудительным мотивом объединения под одной обложкой семи работ означенных четырех авторов стало желание последних глубже постичь своеобразие каждого из кавказских народов, рассказать об оригинальности их культур, дабы твердо утверждать: нет малых народов и соответственно малых культур, народные традиции демонстрируют гораздо большую степень нашей общности, чем принято считать.

Мария и Виктор Котляровы

Василий Швецов. Очерк о кавказских горских племенах, с их обрядами и обычаями в гражданском, воинственном и домашнем духе

Василий Васильевич Швецов 45 лет служил на Кавказе – в основном, в Ставрополе. В 1826–1827 годах являлся начальником Кабарды; в 1842 году, будучи статским советником, жил в Пятигорске. В том же году представил военному министру записку «Краткое обозрение нынешнего состояния горских народов Левой стороны Кавказской области и причин их возмущения» (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 8457).

Публикуемая в настоящем издании статья была напечатана в журнале «Москвитянин» (1855. № 23/24. Кн. 1–2). Как отмечает исследователь М. О. Косвен, она «дает некоторые интересные штрихи», хотя и «содержит немало ошибок и нелепостей».

Сообщающая множество этнографических деталей работа приходит к читателю спустя 155 лет после ее публикации.

Вступление

Прежде чем начну описание мое о Кавказе и его современных обитателях, я нужным нахожу объяснить предварительно, в какой последовательности было население разнородных племен по всему протяжению этой необозримой цепи гор, которые впоследствии сделались постоянными обладателями ныне занимаемых ими мест¹: ибо все различные племена, населяющие ныне Кавказские горы и имеющие каждое свой язык, могут почитаться отломками от разных целых народов, истребленных или прогнанных в отдаленные страны другими, один за одним шедшими и один другого теснившими, народами, при общем их переселении. Остатки каждого из них, здесь случайно уцелевшие, принуждены были искать спасения своего во внутренних гор и в течение вековых времен образовать разнородные общества, о которых ни один из древних историков не упоминает под нынешним их названием. Эта причина служит главным затруднением определить каждое племя в его первобытном начале, а потому в потомственном их происхождении они остаются загадочными и неуказанными рекой исторического времени: все, что мы знаем о них до настоящего времени, суть данные, не имеющие положительного решения. По этому убеждению, минуя мелочных, ни на чем не основанных рассказов этого народа, я должен был принять ближайшим фактом историческое предание владычества вавшего здесь народа в VII веке и историю Дербент-Наме: из этой железной брони, замыкавшей восточную и северную часть Кавказских гор с ее обитателями, как свидетеля векобытия, извлечь главные достопамятности кавказского народонаселения.

Самыми древнейшими народами, переселившимися к Кавказским горам, признаются, по истории Дербент-Наме, лезгины. По сохранившимся преданиям их, они вышли из Северной Индии и провинции *Лезги*; скитавшись долгое время по разным странам, наконец они достигли Кавказа и овладели полями южной части его, тут основали жилища свои и здесь пребыли постоянными обладателями около 800 лет до Р. Х.² По прошествии этого времени лезгины были вытеснены из спокойного владения своего пришедшим с юга многочисленным народом, *гесир*, или *ясыр*, именуемым. Сильный натиск и кровавые войны принудили их бросить свои жилища, отойти к горам и там, для безопасности, поселиться на неприступных высотах Южного Кавказа. Гесириане распространили владычество свое повсюду, даже вдоль морского берега и около Ширивана, назвав Каспийское море своим именем *Баер Алгасир*. *Гесир* – на лезгинском языке *жид*, а *ясыр* – невольник, а потому, следуя истории Дербент-Наме, можно допустить что тот народ есть из тех десяти колен Израилевых, которые, по изведении из Палестины, поселены были частью в Мидии, а частью в Армении³.

Гесиры, как ни были сильны в обладаемых ими местах, однако же не повсюду наслаждались спокойствием, особенно в Шириване они принуждены были выдерживать кровопролитные войны с армянскими царями и время от времени ослабевали в силах. Потом, около 100 лет до Р. Х., появились страшные толпы монголов, вышедших из Северного Тибета и разлившихся от Баккара до Астрахани и гор Кавказских⁴.

¹ По историям, Кавказ имеет девять народных переселений, под общим названием *скифов*, от востока: аланы, гунны, авары и болгары, донныне удержавшие настоящее свое название, готы, угры, печенеги, хазары и монголы, один из сильнейших народов; от юга – три, и по истории Дербент-Наме: лезгины, гесиры и арабы.

² Восточная часть Кавказа всегда была подвержена первоначальному нашествию переселявшихся один за другим народов, и отсюда уже, как из главного источника, они разливались по всему Кавказу и уходили в отдаленные страны.

³ И ныне есть племя еврейское, разбросанное по горам и живущее или совместно с другими племенами, или же отдельно небольшими обществами, сохранив догматы своей веры и обычаи, исключая одежды, которую присвоили от горцев: поэтому можно думать, что они действительно есть остатки гесириан.

⁴ История указывает нам нашествие монголов на Кавказ в XIII веке, и нигде не видно, чтобы наводнение их на юге было за 100 лет до Р. Х., а потому нельзя утвердиться положительно на историке Дербент-Наме: он мог принять под именем монголов другой народ, пришедший с востока, это анахронизм, недоступный моему описанию, а принадлежит исследованию глубокой

Монголы, следуя в бесчисленном множестве под предводительством *гакана* (князь), по имени *Сан-ан-ки*, истребляли и захватывали с собой все те народы, какие им встречались на пути; наконец они избрали местом своего поселения Астрахань, Маскутом называвшуюся; таким образом, распространяясь далее к северу и западу, некоторые из них, расположились около Казани, а другие по реке Куме и основали здесь Большой и Малый Маджар⁵, построили великий город Татар⁶, в котором заключалось до 200 тысяч жителей. Другие части монгольского народа и племена, с ними пришедшие, поселились в завоеванных ими городах – Балки, Гюльбах, Чиллад⁷, Кизил-Кал, Семендер, Инче – и по другим местам. Сам же гакан избрал для своего пребывания город Гюльбах.

Гесиры сколько ни были самостоятельны, но по долговременному сопротивлению принуждены были уступить могуществу монголов и войти в их зависимость.

В то время, когда Магомет начинал распространять учение своей веры, монголы многие уже века обладали Кавказской страной, и Магомет, желая бросить семена учения своего посреди отдаленных народов, отправил от себя к гакану посольство из ученых мужей, для склонения его принять ислам, но послы его худо были приняты, им обрезами уши и прогнали обратно. Магомет, оскорбясь жестоким поступком владетеля монголов, завещал при конце жизни своей приемникам калифата отомстить монголам и во что бы то ни стало отнять у них город Дербент, проповедуя притом, что этот город есть врата в вечность и что всякий мусульманин, принявший участие во взятии его, приобретет рай в будущей жизни.

Вследствие завещания Магомета, в 41 году мусульманской эры, послано было от калифа Дамасского на Кавказ 14 тысяч воинов, которые, однако же, не принесли никакой пользы: они были разбиты гаканом, часть их взята в плен, а остальные прогнаны обратно. Потом, в 61 году, пришло на Кавказ 30 тысяч аравитян под предводительством брата царствующего калифа (халифа. – *Изд.*) для непременно взятия Дербента; это войско одержало знаменитую победу над совокупными силами монголов и гесириан и, наконец, по многим военным хитростям завладело Дербентом и, укрепясь в этой твердыне, аравитяне начали распространять завоевание свое – они покорили своей власти провинцию *Мискур*, и принудили жителей ее принять магометанский закон⁸.

В 103 году по магометанскому исчислению пришли в помощь первым войскам еще 40 тысяч аравитян; эти вновь прибывшие ратники стеснили гесириан и монголов, взяли город Таргу⁹ и, по трехмесячной осаде, завладели неприступной крепостью Инче, которой развалины видны и доныне около реки Салак.

Хотя аравитяне и пользовались удачным успехом завоевания, однако же гакан монгольский не был еще лишен владычества своего над Тесте-Капчатской землею и находившимися во владении его большими городами. Но народ, живший по реке Куме, в Большом и Малом Маджаре, не в состоянии будучи сносить бремя войны и частых набегов победителей, принужден был отпасть от власти гакана и переселиться в западные страны, где, вероятно, и спешествовал основанию королевства Венгерского; примеру их последовали также жители города Татар, они переселились на земли херсонские.

учености.

⁵ Остатки этого города еще и поныне видны при деревне помещика Скаржинского под именем Бургон-Мадусар.

⁶ В пятидесяти верстах от Екатеринограда, по Военно-Грузинской дороге, при самом начале первой цепи Черных гор, с левой стороны реки Терека, видны еще признаки бывшего города. Это место здешними народами и ныне называется *Татар-Теп*, то есть стан, или скопище, и этим доказывается, что этот город построен и получил свое название от татаро-монголов.

⁷ В 17 верстах от Екатеринограда, по той же Грузинской дороге, на правом берегу реки Терека видны развалины бывшего города Джуллат, сохранившего название свое до настоящего времени; но какой народ обладал им при основании – неизвестно.

⁸ Начало магометанства в областях народа левой стороны Кавказа.

⁹ Ныне столица шамхала Тарковского.

Таким образом, арабы, обессилив гакана и завладев большей частью его подданных, в 112 году мусульманской жиждры низвергли с владычества Тесте-Капчатского и лишили жизни, а остатки народа, упорствующего в покорении себя, прогнали за реку Терек или сделали своими невольниками и обратили в магометанскую веру. После смерти Сан-ан-ки в столице Гюльбах оставался управлять сановник его Яндырей, но он недолго сопротивлялся силе завоевателей и, дабы не проливать более крови подданных, покорился власти победителей, за что и оставался спокойным владельцем управляемого им города. По смерти его Гюльбах получил название *Яндырей*, который и до настоящего времени сохранил название свое *Андреевская деревня*, близ которой построена генералом Ермоловым крепость Внезапная¹⁰.

Разнесшийся слух о счастливом завоевании аравитянами кавказских народов скоро достиг до царствующего калифа Дамасского; этот державный соревнователь в распространении учения законодателя своего обратил все попечение на край Кавказский, как на приобретение, стоившее столь дорогой цены, и, чтобы упрочить его в потомственное наследие преемникам калифата, он послал для населения на Кавказ многочисленные племена, как то: филистинов, гемесов, кисиров, чиризов, селимов, сикиков, баалев и карассов, из 17 тысячи семейств состоящих и живших между Дамаском и Муссулом. Для безопасного сопровождения их до места, дано было отборное охранное войско, в 10 тысяч человек заключавшееся, под предводительством храброго сановника Абун-Муселима (Абу-Муслима. – *Изд.*). Этот великий полководец своего времени, прибыв благополучно на поля Шириванские, часть приведенных им племен поселил вдоль южной покатости гор и потом уже обратился на покорение окрестных народов; а так как в то время восточная и северная часть Кавказа разделены были на три области: Табасаранскую, Саульскую и Кумыкскую, а к последней принадлежал и народ лезги, то Абун-Муселим прежде всего устремил оружие свое на область Кумык, как сильнейшую из трех; покорив ее своей власти, обратил жителей в мусульманскую веру и оставил из пришедших с ним тысячу семейств на совместное поселение с туземными жителями в городе Кумык, под управлением одного из своих сановников – Шахбалла¹¹. Утвердясь таким образом в области Кумыкской, он обратил войска свои на область Саул (ныне Каракайтагское ханство): здесь покорил остатки гесирского народа, часть его истребил, а остальную сделал единоверными или невольниками и поручил в потомственное владение Гемсу, или Утим¹². После покорения области Саул Абун-Муселим перенес завоевание свое в область Табасаранскую и, завладев последней, отдал в наследственное владение Магомету-Мансуру; одну часть переселенцев, пришедших с ним из Аравии, он смешал с жителями завоеванных областей, а другую, в числе одной тысячи семейств, оставил на поселение в Тесте-Капчатке и потом, наложив подати, предписал, сколько должна иметь каждая область войск.

Хотя все учрежденные Абун-Муселимом кавказские князья были подвластны одним калифам, однако же он почтил Шахбалла блистательным титулом Главнотачальствующего князя и повелителя всего Кавказа и земли Тесте-Капчатской, даже до последних пределов Ширивана¹³. Князю табасаранскому даны были в помощь два кадия, они должны были наблюдать за исполнением догматов веры и гражданским управлением; сам же князь, как и каракайтагский владетель, подчинены во всем Шахбаллу, князю кумыкскому: они обязывались быть при нем во всех военных случаях и без воли его ничего не предпринимать. Один город Дербент управлялся особым начальником, под непосредственными повелениями калифа: он только в

¹⁰ Андреевскую деревню можно назвать главной столицей Чечни и всех вольных обществ по многолюдному населению ее разными племенами. Она составляла центральную торговлю левой стороны Кавказа и принимала отовсюду стечение народное.

¹¹ *По-арабски*: дитя шаха.

¹² Ныне уцмий, *по-арабски*: повелитель.

¹³ Повелитель Дербента, как брат царствующего калифа, был освобожден от всякой зависимости Абун-Муселима и Шахбалла.

случае нужды должен был давать военную помощь Шахбаллу, а последнему поставлено в обязанность содержать всеми потребностями Дербентский гарнизон.

Наконец Абун-Муселим, утвердив власти и порядок по всем завоеванным народам, вознамерился покорить оставшиеся еще свободными лезгинские племена и заставить силой оружия принять ислам; но, при всех упорных сражениях и по долговременной неудачной осаде столицы их, Авара, лишился жизни с частью лучших своих войск¹⁴. С того времени, хотя лезгины и оставались независимыми, однако же не осмеливались делать явного нападения на сильных врагов своих. Арабы, из презрения к языческой вере лезгин, называли как их самих, так и места, ими заселенные, *Кяфир-Кумык* (то есть проклятые, неверные), а ту часть, которая подпала владычеству их и приняла магометанскую веру, *Газе-Кумык* (храбрые): с этого времени Кумыкская область, бывшая в одном составе, разделилась на две, то есть на Кяфир-Кумык и Газе-Кумык¹⁵.

Когда царствующие калифы соревновались еще подкреплять властью и войском страну, приобретенную оружием владычеству их, дотоле и состояние жителей завоеванного края пребывало в совершенном спокойствии, но коль скоро раздоры потрясли престолом калифа и учением Магомета, тогда кавказские князья воспользовались этим смутным временем и сделались независимыми – они в то же время разорвали союзную связь между собою, а потом каждый из них, почитая область свою уделом, себе принадлежащим, начал силой оружия утверждать право своего самодержавия, отчего возгорелось междоусобие и не прежде кончилось, как по взаимному изнурению сил их; от этого произошли отдельные, независимые одно от другого княжества Газе-Кумык, Каракайтаг и Табасаранское, и с того времени владетельные князья их с получением достоинства принимали на себя наследственное имя первоначального князя, то есть прародителя своего, как то: князь кумыкский именуется и доньше Шахбаллом, или Шамхалом, каракайтагский – Гемс, или Утим, и табасаранские, где один из двух кадиев, умертвив наследника княжества, присвоил себе права его, именуются до настоящего времени владетельными кадиями.

Последнее нашествие татар с Чингисханом не сделало разительной перемены в области народа кавказского: часть этих пришельцев смешалась с обитателями кавказских племен, а главная толпа их удалилась за реку Кубань, некоторые основали там свои жилища, а другие пошли далее на запад.

Вот главные эпохи общенародного переселения на Кавказ: из этих обломков разнородных племен, имеющих разные языки и один господствующий во всех горах, наконец, составилось, исключая самостоятельные княжества, Татарское, или Кумыкское. Что же принадлежит до образа жизни, обрядов и привычек их, они все имеют одинаковые сходства, исключая племя, называемое *кубечи*: этот немногочисленный народ, по сохранившимся преданиям, признает себя выходцами из Германии и удержал в образе жизни своей прежний порядок и мастерство, отличающее их от прочих горцев: строение домов их более имеет сходство с европейским, внутреннее убранство мало отличается от немецких колонистов, они имеют столы, стулья, столовые приборы и кровати с занавесями и тюфяками, всегда опрятно прибранными, вместо покрывал у них употребляются ночные легкие перины, набитые перьями или пухом, смотря по состоянию; одна одежда у обоего пола туземная, с некоторым изменением, приновленным к собственному их вкусу. Все почти мужчины занимаются ружейным мастерством с серебряной оправой под чернь и насечкой из меди, серебра и золота, с отличной чистотой и искусством. Занятие женщин: ткут позументы и ковры, прекрасно вышивают шелком по сукну; вязанье шерстяных узорчатых носков, делание отличных епанчей или бурок, шитье одежды и все про-

¹⁴ Тело Абун-Муселима похоронено в Авари, в одной пещере, во всем воинственном наряде и, как уверяют набожные магометане, остается до настоящего времени нетленным, почему и признается ими за святое, куда ходят на поклонение даже из дальних мест.

¹⁵ Кяфир- и Газе-Кумык доньше сохранили свое название.

чее домашнее хозяйство. Женский пол строен и красив даже при старости, чего редко можно видеть между прочими племенами, есть много из них блондинок с голубыми глазами, всегда живыми, пылкими, которыми они управляют с большим кокетством. Тип их хотя имеет сходство с азиатским, но отличается какой-то приятной особенностью. Черты лица всегда веселые, привлекательные и радушные. В разговоре этого племени сохранились еще некоторые немецкие слова.

Быт горцев

Все вообще кавказские народы, как то: горные племена и живущие на плоскостях, начиная от Черного моря до Андреевской деревни, имеют свои поселения, именуемые аулами, под зависимость владетельных князей или управляются избранными старшинами вольных обществ. Имеют вместо домов плетенные из хвороста и обмазанные сараи (сакли) с двумя или более отделениями, смотря по многолюдному семейству; посредине каждого отделения сделан, из того же материала, очаг с длинным отверстием, обмазанным глиною, где зимой поддерживается непрерывный огонь как для обогрева, так и приготовления пищи. Домашнее убранство заключается в узорчатых плетенных из тростника циновках и разноцветных с бахромой, тонких шерстяных войлоков; у богатых, сверх того, ковры и палацы – все это расстилается около стен на земляном полу, с длинно-узкими подушками, набитыми шерстью; на этих половых диванах сидят и спят дома хозяева и здесь принимаются близкие родственники. Женский пол – на женской половине, а мужчины – в отдельных от общей связи строениях, называемых *кунацкой*, где угощаются все приходящие и приезжающие, знаемые или вовсе чужие, несмотря на звание и состояние посетителя. Все вообще горцы внимательны к гостеприимству, и хлебосольство почитается у них высокой добродетелью. Гость во время пребывания своего в доме, им посещаемом, совершенно обеспечен как в особе своей, так и в имуществе; гостеприимство у горцев уважается до такой степени, что если бы заехал внезапно кровный враг, то и в таком случае господин дома обязан его принять со всем приличием, не подавая ни малейшего виду своей ненависти, а при отъезде дать ему провожатого для охранения в пути, он отвечает за безопасность посетителя своей жизнью и всем состоянием; здесь не исключены даже христиане, совсем чуждые знакомства.

Домашние потребности

Домашняя утварь их состоит из медных и чугунных котлов разной величины и формы, медных, деревянных больших и средних тазов их изделия. Кто более имеет металлической посуды, тот считается зажиточным. К этой хозяйственной потребности принадлежат глиняные горшки и кувшины; последние бывают величиной от одного до пяти ведер собственно для воды, отличной глины, доброты и отделки, сохраняемые в наследство¹⁶. Пища их состоит из просяной или кукурузной муки, молока и части масла или бараньего сала, вроде похлебки она раздается сделанными нарочито для этого употребления коренковыми ковшами, с печеными в горячей золе лепешками или с пшенной густой кашей, разрезанной на ломтики (паста); к этому прибавляют овечий сыр, летом свежий, а зимой копченый, и тем оканчивается вся прихоть вечернего и утреннего стола, в особенности у бедных. Богатые готовят суп в том же роде из баранины и редко из говядины; жаркое – шашлык из свежей или копченой баранины, на горячих углях приготавливаемый и довольно вкусный; к этому прибавляют, во время угощения сторонних, пилав, приправленный чесноком, размешанным в кислом молоке, и на десерт подают сотовый мед или лепешки из пшенной муки, замешанной на меду, и поджаренные в кипятке растопленного коровьего масла – это лакомство довольно вкусно. До водки все вообще горцы лакомые, если только могут найти случай пить ее без издержек, но в домах своих не держат. Виноградные вина запрещены законом, все питье их состоит в разведенном с водой кислом молоке (сгозм), называемом *арьян* (айран. – *Изд.*), и любимого питья горцев, приготавливаемого из просяной муки, вроде браги (буза); самое же роскошное – *бал-буза*, она приготавливается из пшенной муки с медом, особенного вкуса и с опьянелостью – вот в чем заключаются все прихоти горцев. Трапеза их вообще подается на круглых столиках о трех низеньких ножках, они едят сидя на полу, покрытом циновками или коврами; кроме деревянных ложек, никаких более приборов нет. Князья, первостепенные вельможи и почетные старики садятся за обед или ужин одни, без участия даже детей; все молодое семейство мужского пола начинает свой стол после старших, и обед заключается прислугой. Все же женщины – на своей половине и точно тем же порядком. Ни в каком народе не уважается так старость, как у горцев: сын не смеет сесть не только перед отцом, но и перед дядей с отцовской или материнной стороны; если же входит старик, хотя бы и простого роду, то молодые люди встают с приглашением посетителя занять указанное место, тогда садятся и сами.

¹⁶ Есть глиняная посуда, сбереженная при повседневном употреблении до 60 и 70 лет, и остается неоценимым сокровищем.

Порядок домашней жизни и обрядов ее

Мужчины, кроме детей до семилетнего возраста, живут отдельно от женщин и не могут входить днем на половину последних, как равно женщины в мужское отделение, исключая старых; все надобности их, относящиеся к мужчинам, передаются или посредством детей или при встречах во дворе. Мужчины не занимаются домашними трудами, за исключением полевых работ и скотоводства, они все дни просиживают в кунацкой, у ворот или при молитвенном доме (мечеть) совершенно праздными; напротив, все домашние заботы и тяжкие труды лежат на женщинах: они управляют с домашними животными, готовят пищу, приготавливают припасы, соблюдают чистоту и опрятность в доме, по окончании утренних забот, садятся за рукоделие; все, что для мужчин нужно, от верхнего платья до последней обуви, исполняется рукой женщины; на их попечении ухаживать за малолетними детьми, снаряжать их и думать собственно о себе. Главное же занятие мужчин – следить за чистотой оружия и верховой принадлежностью; они не стесняются в отлучках и без всякой заботы рыщут по произвольному желанию, и с возвращением в дом никто не потребует отчета, где он был и что делал, – отец и мать как будто не замечали отсутствия сына, если он не имел от них особенного поручения. Лучший разгул горца – звериная охота, посещение знакомых, осматривать свои табуны или отару (стадо овец) и молодецкий разгул на грабежи – вот вся деятельность мужчины в домашнем его быту, если он не имеет постоянного ремесла, как то: кузнечного, оружейного, серебряного для украшения оружия, седельного или ременного, которое наследственно переходит от отца к сыну, имеющему более наклонности к отцовской промышленности; изделие же деревянных потребностей принадлежит исключительно старикам.

Женщины вообще, исключая старух, не могут видаться с посторонними мужчинами, они всегда укрываются от глаз любопытных; но девицы свободно и везде могут ходить с открытым лицом, останавливаться с молодыми людьми, участвовать с ними в праздничных беседах, плясать и петь; но всякое отступление от азиатского приличия в нравственном отношении подвергает жизнь их самым гибельным последствиям: никто не пощадит запятнавшую честь свою легкомысленным поведением, а потому все девицы, при всей свободе своей, сохраняют себя во всей строгой чистоте. Хороводы их бывают вовремя двух годовых праздников: *Рамазана* семи- и *Курбат* трехдневного. В нескольких местах аула и на известных площадках собираются девицы и холостые молодые люди; они составляют круг и, взявшись за руки, кружатся тихо и грациозно под песню или под национальную музыку, извлекаемую из инструмента, составляющего жестяной цилиндр не более одного дюйма в диаметре, длиной в аршин, с тремя к нижнему концу ладами; эта флейта приставляется на один из верхних зубов так, чтобы округлость ее пересекалась посередине отверстия зубом; когда выпускаемый игроком воздух начнет проходить в цилиндр, инструмент издает вблизи дрожащий звук, но издали чистый, приятный флейтовый голос. Есть и другие инструменты, как то: вроде скрипки – *кобыз* с тремя волосяными струнами, издающий сиповатый звук посредством смычка, натянутого волосьями в четверть дуги и намазанного толченой серой: этот инструмент держится ручкой вверх, подобно виолончели, он не принадлежит горцам, а перешел к ним от монголов; трехструнная балалайка, совершенно другой от русских форм; волынка, подобная малороссийской, перешедшая, вероятно, от последних к крымским татарам, а от них к горским племенам, наконец, род арфы, странного устройства с двенадцати кишечных струнами, тон ее меланхолический и приятный, этот инструмент, вероятно, остался от греческих колоний, занимавших восточный берег Черного моря, как ближайших соседей горцев.

Пляска черкесская отличается от прочих народных плясок тем: кавалер делает легкие прыжки со стороны на сторону и при каждом из них становится на пальцы обеих или поодиночке ног, залажа руки за поясицу; девицы, развернув обе руки и вытянув их горизонтально,

опустив немного кисти рук и наклонив голову, как будто во избежание любопытных взглядов танцующего, едва касаясь пола, плавно подходят сперва с одной, а потом с другой стороны кавалера и, отходя назад, становятся на свое место – в движениях их видна какая-то покорная грациозность, которая невольно ложится на душу. Господствующий же танец во всех племенах – лезгинка, перешедшая к высшему сословию горцев от лезгинского племени, она имеет приятный для глаз вид и не без цели: мужчина, назначая себе в танец девицу, должен, со всей вежливостью азиатского этикета, подойти к ней и дотронуться до руки ее, в это время начинается музыка и пара пускается в танец; здесь кавалер, при всех своих быстрых изворотах, старается повстречаться лицом к лицу со своей дамой, как будто полюбоваться ее красотой, но ловкая танцовка так искусно и гибко делает маневры, что самому отчаянному знатоку танца не удастся достигнуть своей цели – всякий легкий, живой и неожиданный оборот кавалера всегда опоздан. Мило смотреть на этот воздушный танец, столько в нем тонкого расчета и грации, если он чисто лезгинский, без всякой сторонней примеси.

Обряды свадебные

Когда молодому человеку исполнится 20 и более лет и желание его будет вступить в брак, тогда он о намерении своем объявляет отцу и указывает на ту девицу, которую выбрало его сердце; отец передает эту новость матери, они совещаются между собой, до какой степени состояние их позволяет на выкуп, потом отец жениха делает предложение отцу невесты, а жена его – матери; здесь, при согласии, совершается условие о выкупе, и если со стороны невесты оно удовлетворительно, дается уже слово после первых обрядов, свадьба отсрочивается до условного времени, а иногда на год и более. По заключении договора жених не только не может видеть днем своей нареченной невесты, но и проходить мимо ее дома, свидание их бывает ночью и тайно, чтобы никто из домашних и сторонних не мог быть свидетелем; всякая в подобном случае встреча признается стыдом для жениха, вредит невесте и ее родным. Когда же условленный срок для брака настанет, тогда родители невесты везут ее с торжественным поездом в дом жениха, где встречают их родные с духовником (мулла), который и утверждает союз молодых брачной молитвой, соединяя при этом мизинцы рук их вместе; при всей этой процессии невеста накрыта длинной фатой, или тонким белым покрывалом, так, чтобы никто не мог видеть ни лица ее, ни талии; после чего молодую уводят в особо назначенное для них отделение, и с этого дня муж не может видаться днем со своей женой до того времени, когда она родит дитя, тогда только разрешается ему свободный к ней доступ. Молодая до рождения сына, остается безмолвной; она не может ни говорить, ни отвечать на вопросы свекра, свекрови, деверей и невесток, впрочем ее не затрудняют ответами: весь разговор состоит в назначении общих домашних занятий, а потому молодая, кроме исполнения желаний старших, не подвергается никакому испытанию.

Когда мужу будет известна первая беременность подруги его, тогда он вешает над нею заряженный пистолет на случай, если она родит сына, то должна выстрелить: этим сигналом извещается муж и все родные о рождении наследника, и все в доме приходят в торжественный восторг; девочки лишены этой почести, хотя более приносят домашней пользы.

Но если бы родители или родные не согласились выдать дочь свою за искателя руки ее, тогда молодой человек, во избежание нареkania, старается узнать секретно, через близких, преданных ему друзей, по желанию ли девицы сделан ему отказ; если получит отрицательный ответ, в таком случае он, с дозволения родителей, совещается с верными ему друзьями выкрасть невесту волею и неволею, во что бы то ни стало. По этому плану все участники собираются в полном вооружении на условленное место, известив наперед девицу, в какое время и в каком месте она должна показаться со стороны скрытой засады, и при появлении ожидаемой добычи берут ее без всякого шума, сажают в приготовленный экипаж (арбу), укрытый со всех сторон и запряженный лихими лошадьми, окружив вершниками, несутся во всю прыть, приближаясь же к жилищу жениха, начинают стрельбу из ружей в знак удачного подвига; услышав сигнал, родные, кроме отца и матери, выходят встречать приезжую гостью и отводят в половину, назначенную для ее жизни; здесь, с исполнением брачного обряда, начинается пир. Впрочем, при таких случаях бывают и кровавые сцены: если родители невесты узнают вскоре о похищении дочери их, в таком случае они со всеми родственниками преследуют похитителей, и, если погоня их будет удачна и виновные настигнуты, завязывается перестрелка, и убийство неминуемо, но никогда не случается, чтобы невеста была отбита и возвращена в дом родительский; этим преследованием прикрывается только стыд, ежели бы со стороны родных девицы не было оказано обычного сопротивления. Этот обряд исполняется и в таком случае, когда бы потеряна была возможность настичь похитителя. Обычай свадебных пиршеств не сопровождается никакими излишними прихотями, и девицы никогда не участвуют в свадебных процессах. У горцев нет девичников, исключая в племенах кумыкских, где за несколько дней до

свадьбы, собираются в дом невесты подруги ее и молодые люди, они поют не свадебные песни, которых у них нет, но плясовые и танцуют до рассвета, в этих увеселениях может находиться и жених, но он старается скрывать себя от глаз невесты. После похищения девицы родители жениха и молодой начинают сближаться между собою посредством духовных лиц и почетных стариков, наконец дело улаживается согласием на выкуп (калым).

Неверность в супружестве со стороны женского пола дает право мужу умертвить виновную или, обезобразив глаза, уши или нос, отправить в дом ее родителей и требовать обратно уплаченный за нее выкуп. Никто не может быть посредником, чтобы согласить мужа жить с позорной женщиной, здесь нет примирения: обесславленная жена отчуждается не только мужем, но и своими родителями, родственниками, и участь ее гибельна. Впрочем, такое явление между горским женским полом бывает редко, не по строгости их поведения, но по жестокому последствию: она не только отталкивается от всего общества, но ей предстоит в будущем все варварские мучения или смерть; эта несчастная потеряла право на защиту, и соблазнитель будет преследован со стороны мужа и родственников ее: куда бы ни скрылся он, везде будет найден, и только кровь его смывает нанесенное оскорбление.

Похоронный обряд

Смерть одного из семейства приносит в дом общую печаль. Тело покойного оставляется на том месте, где постиг его смертный час; по обмытии надевают на него чистое двойное белье, голову обертывают через подбородок белым платком, а все тело – тонкой холстиной. Тогда домашняя печаль разносится по всему селению, приглашается хор известных плакальщиц, умеющих исчислять добродетели и воинственную отвагу покойного, в этот дом скорби собираются все родные и знакомые обоого пола, мужчины остаются снаружи при входе в саклю, а женщины входят во внутренность ее и садятся по обеим сторонам скорбящей женщины, которая с растрепанными волосами, открытой грудью и в изорванном платье сидит неподвижно, опустив голову на грудь. Когда весь порядок будет устроен, одна известная импровизаторша начинает куплет плачевной песни речитативом, а прочие присоединяют свои голоса и оканчивают первой напев восклицанием «вовшау!» (увы!), и так продолжается несколько куплетов, в которых исчисляются все подвиги покойного, доброта его сердца, любовь к семейству и оставленной подруге, которой более не видать ясных дней и не ожидать милых ласк возлюбленного. Она осиротела, как ласточка со своими птенцами. Кто защитит бедную от невзгод? Кто даст приют сиротам ее? Кому тяжела печаль бедной страдальцы? Кто утешит горькую? Кто подаст ей руку радости? Того уж нет! Чья грудь так сладостно согревала несчастную, он уснул непробудным сном и оставил другу своему, всем родным и друзьям одну скорбь неутешную. В продолжение этого периода страдальца бьет себя в грудь, раздирает ее и лицо ногтями до ручья крови с неистовым криком «аия, вай!» (ах, ох). После все умолкает, как будто из сострадания, чтобы дать несколько успокоиться несчастной. Потом начинается та же процессия; в продолжение первой процессии мужчины из близких, родных и друзей покойного входят по одному и по два в саклю сетующих, падают перед плачущей на колени и, приклонясь до земли, раздирают ногтями на лбу между глаз кожу до крови, не произнося ни одного утешительного слова, за исключением громкого стенания; когда кровь покажется на лице, тогда встают и с поникшей головой выходят на открытый воздух. Весь этот обряд продолжается до ночи; тогда покойного берут близкие родственники и уносят на одре, без провожатых, на место погребения, где ожидают их рабочие, и тело умершего опускают, или, лучше сказать, кладут в могильный шкаф, сделанный посредине главной ямы сбоку на полдень, головой на запад и лицом к Мекке, так чтобы покойник лежал на правом боку; потом против самых глаз, сквозь небольшую палочку, продевается написанная муллой молитва, содержащая в себе текст из Алкорана, что «душа усопшего, по воскресении, не прежде может достигнуть эдемских ворот, как по прочтении той молитвы». Когда же нишу начнут закладывать досками, духовник начинает вполголоса читать приличную погребению усопшего молитву, в продолжение которой все присутствующие удаляются от могилы на такое расстояние, чтобы не слышно было слов муллы, но с последним, громко произнесенным «Аминь!» все бросаются поспешно засыпать могилу землей; потом ставится у ног покойного памятник, высеченный из камня с приличной надписью. Если умерший духовное лицо или аджи¹⁷, то верхний конец камня обделывается вроде головы, обвитой чалмой. Князья же и первостепенные уздени, смотря по богатству, имеют фамильные склепы, построенные из камня с высокими сводами. Место покоя умерших почитается священным.

На другой день похорон собираются до рассвета все те женщины, которые были накануне в доме скорби и с первым лучом зари идут на кладбище; главное лицо в этой свите составляет вдова или мать, ее ведут посредине спутниц под руки ближайшие родственницы умершего, хор поет последний прощальный привет потерянному другу, – и утренний воздух, сливаясь с пра-

¹⁷ Аджи (хаджи. – *Изд.*) – считается тот, кто посетил Мекку для поклонения гробу Магомета, в удостоверение ему кладут на руке штемпель, заключающийся в молитве из Алкорана.

вильной гармонией голосов, невольно ложится на сердце и возобновляет в памяти о прошедших потерях, милых сердцу. Когда вся печальная процессия приближается к месту захоронения умершего, скорбящая особа, вырываясь из рук родственников, как стрела, летит и падает на могилу, начинает речитативным напевом превозносить похвалу покойному и потом упрекать, зачем он оставил ее сиротою: «Неужели я, несчастная, огорчила твое нежное сердце и не умела усладить твою жизнь, за которую готова отдать свою. Нет! Ты не знал любви подруги твоей, ты не хотел испытать ее. О, как душа моя была тесно соединена с твоею. Что может сравниться с моею горестью и кто в силах утешить меня. Ты один был рай души моей, мое утешение и надежда». – При таком, быть может не всегда искреннем, обряде она бьет себя в грудь, царапает лицо и рвет волосы, под унылый напев хористок, до тех пор, когда ее оторвут родственницы от могилы, и процессия возвращается безмолвно в дом вдовы, где приготовлены уже поминки со всей азиатской роскошью по мере состояния и даже выше средств: здесь нет ни меры, ни снисхождения к состоянию. После трехдневных похоронных угощений через шесть недель повторяется посещение к покойному, и последние поминки заключают все хлопоты. Вдова остается в том же платье и белье, которое она надевала при смерти ее мужа, и носит, не переменяя, круглый год. В этом состоит весь траурный обряд у горских женщин-вдов: нет ни черных платьев, ни плерезов, все это заменяется самыми отвратительными лохмотьями. По прошествии годового времени, если вдова не намерена выйти замуж, то достаточные надевают на себя бешмет, сшитый вновь из черной нанки или зонту, и на голове носят белый платок или покрывало.

Но если покойный имел состояние, если бы даже и нераздельное, тогда один из братьев берет в супружество вдову брата своего, чтобы часть, принадлежавшая покойному мужу, не могла выйти из круга общего отцовского состояния, – этот брак допускается только в таком случае, если бы вдова не имела от покойного мужа детей мужского пола, ибо оставшийся сын вступает в полные права отца своего, а дочери наследуют четвертую и седьмую части отцовского достояния, исключая выкуп (*калым*), полученный при выходе в замужество; это право принадлежит брату, заступившему место отца, хотя бы он был еще малолетен. Если же вдова не соглашается выйти замуж за одного из деверей своих, тогда она, получая законную часть (четырнадцатую и седьмую) и не возвращая полученный ею при браке выкуп, может свободно расстаться с родными мужа своего и жить в родительском доме, располагая замужеством по своей воле. Женщина, вступающая во второй брак, лишена права получать за себя выкуп.

Мужские беседы

Мужские собрания или беседы происходят на парадной площади или у молитвенного дома (мечеть), где, между прочих разговоров о домашних нуждах, о приобретении или улучшении своих заведений, вспоминают и о прошедших временах, о храбрых подвигах отцов своих и предков. Молодые не участвуют в беседах старших, но слушают с большим вниманием рассказы красноречивой старости и, как завет, передаваемый устами мудрого, сохраняют глубоко в своей памяти. Прочие же, более наклонные к веселости, становятся в кружок, занимаются разными, гимнастическими играми или, в угождение старикам, поют о подвигах, известных по преданию, рыцарей и кончине их; в это время старики прерывают разговор и с поникшими глазами слушают певца, поправляют его ошибки. Весь ряд песни расположен по куплетам: запевала проговаривает протяжным и громким голосом один монолог своей повести, хор повторяет последние слова – и так рассказывается по порядку вся биография лица, восплаемого и давно уже расставшегося с земными заботами. В это время мальчики, от 7 до 12 лет, останавливают свои шалости и серьезно вслушиваются в слова предания, как будто стараясь удержать их в своей памяти.

Посетители, родственники и близкие знакомые мужчин принимаются на мужской половине (в кунацкой). Их беседа заключается в разговорах об охоте и прочих занятиях, о новостях, случившихся в их аулах и в отдаленных местах гор; здесь по важности события основывается и заключение о событии. Ни в каком народе не распространяются вести с такой быстротой, как между горными племенами, в особенности если касаются подвигов партии, отбывшей на хищничество, или о неудаче ее. Они отчетливо знают обо всех предположенных движениях наших войск и какие предпринимаются оборонительные меры теми племенами, против которых составлена экспедиция со стороны русских. Такое тонкое внимание изоощряет их память до того, что если бы посланному от князя к другому владельцу или к обществу, с важными поручениями, нужно было передавать изустно многосложные и самые интересные сведения, то нет ни малейшего сомнения, что он выполнит их от слова до слова без всякого изменения. Между горцами нет письменных сношений, за исключением самых важных и очень редких случаев. Одно духовенство их может назваться грамотным настолько, чтобы знать обычные тексты из Алкорана для молитв, несвободно понимая даже главные догматы веры; если же есть между ними ученые, то они весьма редки.

Обряды веры

Вера кавказских горских народов ныне почти вообще суннитская, или Омарова. Заповеди имама и ислама заключаются: верить, что Бог есть один и нет Ему равного. Бытие ангелов несомненно. Все священные книги справедливы. Магомет истинный и неложный посланник Божий, что будет другая жизнь. Добро и зло ниспосланы от Бога. Все умершие восстанут, возвратятся им души и жить будут. Во второй ислам: строго держать один месяц в году пост Рамазан; исполнять неупустительно пять раз в сутки предписанные законом молитвы; кто имеет состояние, обязан, хоть единожды в жизнь свою, посетить и поклониться гробу Магомета; каждый от избытков должен уделять десятину неимущим, как жертву, назначенную им Богом; верить свидетельству пророка Магомета о единстве Божьем – эти заповеди обязывается знать каждый мусульманин и научать детей своих с семилетнего возраста. Вот все, в чем заключается сила религиозного убеждения. Дети, не достигшие девятилетнего возраста, не могут по закону входить в молитвенный дом, но все достигшие этих лет приходят в мечеть в сопровождении духовника; здесь пастырь прочитывает над ними разрушительную молитву и, по испытании в знании веры, разрешает удостоенным не только входить в дом общей молитвы, но и по желанию родителей посещать Мекку.

Впрочем, между горскими племенами есть и язычники, как то: ингуши, карабулаки, жираховцы и некоторые из племен осетинских, которые и донныне имеют свои священные рощи и избранные для поклонения деревья, куда собираются в положенное по закону время или по обетам для принесения жертв, прося излечения хронических болезней, как то: головы, ноги, руки и прочих членов, вешают на дерево сделанные из дерева или металла пораженные части в миниатюрном виде, при других же болезнях, лихорадочных и прочих, вешают на сучья священного дерева разноцветные платки и даже лоскутья разных материй; здесь же, под этими деревьями, в особенности при пещере Вопи, где заключен прах святого мужа, составляются пиры по разным благоприятным событиям и приносятся жертвы из домашних животных для удачного исполнения предпринимаемого замысла, равным образом при рождении младенцев и поминки по умершим, – одним словом, все торжества, радостные и печальные, исполняются жрецами в заповедных рощах и при пещерах, которые и сберегаются от руки человека под общим народным проклятием. Эти три племени считают себя остатками от монгольского народа. Они имеют особенный свой язык и некоторые домашние обряды. Верят в злых и благодетельных духов, отличаются также воинским оружием: кроме ружья, шашки, кинжала и пистолета имеют копья длиной до четырех футов с древком и щиты разной величины овальной формы, обтянутые свиной кожей со стальными полосами на ремнях с тремя кольцами, и действуют ими с неимоверной быстротой и искусством. Бросаясь на неприятеля, они сплываются между собой и прикрывают себя щитами. Сверх прочего оружия, имеют палки из твердого дерева со стальным шарообразным набалдашником, со множеством острых гвоздей, на один дюйм выпущенных на поверхность шара, называемым *топиус*; это гибельное орудие, и удар его смертелен, а рана неисцелима. Мужской пол их небольшого роста, но крепкого сложения, а женский – строен и красив собою. Женщины и девицы не уступают в храбрости мужчинам и также ловко действуют оружием.

Некоторые закубанские племена: бесленеевские, темиргоевские, махошевские, убыхи и абадзехи, по сохранившимся преданиям их, были назад тому сто сорок лет язычниками и потом христианами. Этот факт не подлежит сомнению, потому что на прежних местах их жительства, около восточных берегов Черного моря и во внутренностях гор, уцелели еще следы священных лесов, где на вековых деревьях находятся и ныне остатки изображений вырезанных змей, птиц и жертвенников, доказывающих прежнее этого народа идолопоклонство. В этих же местах видны вырезанные на деревьях и поставленные на возвышениях иссеченные из камня

кресты, подтверждающие христианство; но как эти племена не были укрепляемы в религии христианства, а приняв магометанство, не имели к нему полного убеждения, то и удержали некоторые христианские обряды, например: накануне 31 марта они делают из дерева небольшие кресты, ставят по своим нивам, в местных рощах и на возвышениях. С тем вместе готовят крашеные яйца и с наступлением 31 марта торжественно обнимают друг друга и обмениваются яйцами, но по какому сознанию делается ежегодно и в одно время это воспоминание, они решительно не могут дать отчета, относя его начало ко временам предков. Впрочем, почти все закубанские народы слабо убеждены в исламе, быть может, от безграмотности их духовных наставников. Водворение христианской веры в области кавказских народов можно отнести ко времени царствования грузинской царицы Тамары, ибо в эпоху ее жизни много дикарей, в особенности осетинского племени, были обращены в христианство, следы которого и донныне видны в уцелевших от времени и разбросанных по горам Кавказским храмах. Но, когда турки овладели Карталинией и присоединенными к ней областями, тогда они обратили все внимание на полухристиан, и в половине XVIII века водворился в горских народах ислам, исключая левую сторону горского народонаселения, где магометанская вера возникла по пришествии на Кавказ с войсками арабского полководца Абун-Муселима и осталась до нашего времени без всякого изменения.

Воспитание детей

В среднем классе дитя мужского пола, достигшее четырехлетнего возраста, лишается материнского попечения, оно отдается в отдаленные от родительского дома племена, известному своей храбростью, умом и опытностью зажиточному горцу, хотя бы он был из простого звания. Мальчик, принятый на воспитание, остается у дядьки (аталык) до совершенных лет, на всем содержании воспитателя, обязанность которого состоит: обучить питомца своего всем военным искусствам, ловкости, красноречию, хитрой скрытности и недоверию, а с этим вместе и смелости во время опасных предприятий. На этом условии аталык берет дитя на свое попечение со всей ответственностью. Этот питомец с семилетнего возраста участвует уже во всех отлетных партиях под непосредственным руководством своего наставника, от него он узнает всю воинскую гибкость, рассказами же о предках его, о их храбрости и воинственных подвигах, перешедших в предание настоящему поколению, аталык развивает способности юноши и воспламеняет молодой ум его до восемнадцатилетнего возраста. Цель такого воспитания – чтобы младенец, лишенный родительской нежности, вырос во всей строгости; из этого вытекают последствия характера его: он становится суров, груб и неискренен, а потому и лишен всякой привязанности к родительскому дому. Одна дикая воля и необузданная страсть заставляет их искать потребности жизни грабежом и убийством. Они все вообще, с некоторым весьма редким исключением, преданы корыстолюбию и скупости до самой презрительной степени, и этот унижительный порок заставляет горца быть лукавым, он не остановится обещать вам много и не исполнит ни одного из них, и без всякой совести будет встречаться с вами и повторять то же обещание, чтобы выманить, по доверчивости вашей, какой бы то ни было подарок или хороший прием – вот до какой степени они заражены бессовестностью.

Когда питомец войдет в определенные для воспитания его лета и воспитатель уверен в его физических и нравственных успехах, тогда он отвозит питомца своего в родительский дом, отдает молодого человека с рук, получает за все попечения щедрые подарки и с этого времени он считается в доме родителей молодого человека близким родственником, не только уважаемым со стороны воспитанника, обязанного помогать воспитателю и его семейству всем и во всю жизнь, но и всем родственникам его.

Дети владетельных князей отдаются на воспитание как можно далее от родительского дома, еще грудными, на попечение сторонней женщины. Вскормившая оторванного от груди матери младенца считается молочной матерью и гордится, если питомец возрастет в крепком и сильном телосложении. Дети ее мужского пола вступают с воспитанником в родство молочных братьев; эта связь нового стороннего родства считается у горцев в большом уважении и почестях. Молочные братья везде готовы жертвовать за него жизнью. После семилетнего возраста дитяти воспитательница передает питомца своему мужу для образования, приличного его званию и назначению. С этого времени он оставляет женскую половину и переходит к дядьке. По окончании воспитания молодой человек возвращается в отцовский дом; отец при встрече с сыном после столь долговременной разлуки не изъясляет излишней радости и едва обращает на него свое родительское внимание, но все прочие домашние, мать и женское родство приходят в совершенный восторг. Вся же нежность со стороны отца выражается в празднестве, которое дает он в честь сына. Новоприбывшего помещают в отдельном строении, к нему назначается особая прислуга и опытный немолодых лет уздень (дворянин) для руководства и советов молодому князю; впрочем, этот новый член семейства, совершенно чужд взаимного с родными сочувствия: он по непреклонной воле своей и независимости от родительской власти отлучается из дому на грабежи и разбои или, по прихоти, куда поведет его первая зародившаяся мысль – здесь никто не может остановить молодого человека от предпринятого намерения. Такие подвиги не почитаются у горцев предосудительными, особенно если они настроены

против иноверцев. Все, что признано в благоустроенных обществах образованного народа преступлением, у диких сынов Кавказа считается достоинством рыцарским, а потому: кто больше имел практики в грабежах и больше пролил крови, тот приобрел общее уважение и считается героем; о нем гремит во всех горах разнесшаяся слава, и дела его передаются в изустных преданиях отдаленному потомству.

Воспитание женского пола

Дочь с младенческих лет приучается матерью и другими родственницами ко всем рукоделиям, она должна знать все домашние труды, не заботясь о светском приличии или этикете, чуждых вовсе дикому состоянию горцев; но и за всей патриархальной простотой они не лишены женского кокетства: девица, как бы ни занята была работой, не пропустит ни одного свободного случая, чтобы не посмотретья в зеркало или даже в зеркальный осколок, сберегаемый в ее кармане, и не сделать несколько граций в движениях лица и глаз, в поправке головной прически. Всякая девица с семилетнего возраста носит кожаный из мешины или сафьяна корсет, стянутый сколь возможно туго и зашитый наглухо, чтобы образовать тонкую форму талии; эта шнуровка остается до замужества неприкосновенной, никто не может снять ее, кроме мужа: он при первом посещении молодой жены своей разрезает это брачное таинство кинжалом или ножом, как будто этим символом покоряет избранную в подруги своей жизни и непреклонной своей воле, повиновению и чистоте поведения. Этот первый шаг напоминает ей, какая участь ожидает виновную за нарушение супружеской верности.

Народные сходки, или совещания

Всякое совещание, в случаях важных и сопряженное с общей безопасностью или пользой, составляется не из одного племени: сюда приглашаются не только союзные народы, но и заключается мирное условие с враждебными племенами, которые сколько бы ни были в неприязненном сношении, не в праве уклоняться от общего дела. Везде рассылаются вестники и назначается место и время, куда должны стекаться князья, уздени трех степеней со всеми своими вассалами, а также духовенство и почетные старшины с опытными стариками. Всякое племя имеет при себе гадателя, или *авгура*, к которым горцы благоговеют. Когда собрание удовлетворительно, тогда один из почетных духовных лиц предлагает омовение, после которого весь собравшийся народ с полным умилением становится на молитву; в это же самое время гадалы закалывают животных, избранных для узнания будущего, рассматривают их внутренности и предсказывают успешное или неудачное исполнение принятого намерения, потом закланные жертвы разбираются по частям для приготовления пищи. По окончании молитвы и когда все собрание займет по достоинству свои места, гадалы объявляют свои предсказания, их выслушивают с глубоким вниманием, и, если они благоприятны, тогда начинается совещание: первые голоса подаются духовенством, потом княжеские, а за ними уздени и старики, но ни один из молодых людей, как бы ни был в почете, не может вмешиваться в мнение старших, они все в почтительном уважении выслушивают решение старших.

Если князьям нужно объясниться между собой при собрании или при некоторых лишних для них людях, в таком случае они употребляют известный только между ними язык, называемый *макобза*, которому научаются с малолетства один от другого и сохраняют между собой, как тайну. Когда совещание кончилось, и план предприятия утвержден общим голосом, тогда начинается пир, особенно при благополучных предсказаниях. Все собрание разделяется, по мере почетных особ, на кружки, где также не участвуют молодые люди. После почетного стола начинается другой – для молодых людей высокого рода, а наконец, доходит до простых воинов и заключается трапезой слуг; по окончании всей этой процессии подтверждается клятвой сделанное условие, и собрание распускается.

Если при совещании положено собраться военной силой в большом количестве и идти на разорение одной из наших пограничных станиц или деревень, тогда избираются предводители по одному в каждом племени: жребий выбора падает на князя или узденей 1-й и 2-й степени, известных опытной храбростью, а также нередко избираются и духовные; все же прочие, вошедшие в состав каждой когорты, повинуются безусловно своим предводителям и отправляются по разным направлениям к назначенному для всей массы пункту, с условием, когда и где должны соединиться на возвратном пути. При таких обстоятельствах скопище союзных племен старается обмануть бдительность нашей кордонной стражи и, чтобы вернее выполнить свои предположения, распускает ложные слухи о своем движении и намерении, стараясь тщательно скрыть настоящую цель свою; эти слухи передаются нам лазутчиками, по словам которых и делается распоряжение соединить силы к той стороне, которой более угрожает мнимая опасность, следовательно, отвлечение войск к защите места, назначенного от набега горцев, обессиливает другие пункты кордонной цепи, тогда неприязненная партия поспешно следует к настоящему месту своего назначения, ослабленному защитой, и предприятие совершается удачно, тем более что помощь к подвергшимся огню, грабежу и убийству не в силах подоспеть своевременно, в особенности против такого неприятеля, которого набеги и действия так быстры, как молния.

Окончив удачный или неудачный подвиг, вся партия разделяется на три или четыре части, смотря по обстоятельствам: первая, передовая, – для открытия опасности, вторая – по обоим сторонам средней колонны, при которой находятся пленные и прочая добыча, и третья,

самая сильнейшая, сзади – для прикрытия ее. При переправах через реки сохраняется тот же порядок; но если они имеют за собой преследователей и завяжется перестрелка, тогда партия будет держаться до последней возможности, и, если силы их начнут ослабевать и сопротивление более невозможно, они для облегчения своего бросают добычу, и партия рассыпается в разные стороны – таким образом, всякий избирает себе возможный путь к спасению; иногда же этот маневр делается с умыслом, чтобы разъединить наших казаков и отвлечь их сколько можно далее от пехоты; когда же расстояние увлекшихся преследованием за рассыпавшейся партией горцев будет соответствовать их умыслу, в это время разбросанная партия, по сигналу крика «гяур!» (неверный), в одно мгновение оборачивается лицом к преследователям, занесшимся без всякой осторожности, и, сплываясь в несколько частей, дружно и с ловкостью нападают на слабых казаков и гонят в беспорядке до главной нашей колонны или каре, а приблизившись несколько далее пушечного выстрела, они дружно останавливаются и принимают направление к переправе и к условленному месту, когда же опасности более не предвидится, удаляются к горам, где располагаются для отдыха, и по разделе добычи разъезжаются по своим домам. Если подвиги благоприятствовали и удачно исполнены, тогда возвращение каждой части партии к своему аулу предварительно торжествуется стрельбой из ружей, сопровождаемой скачками и радостным криком. Но при неудаче и потере въезжают в аул ночью со всей возможной тишиной, и тела убитых, которые почитается по закону за смертельный грех и стыд оставлять на поле битвы, развозятся по домам; и первый блеснувший на востоке луч утренней зари наполняет всю деревню неистовыми криками; тогда родственники обоего пола сбегаются в дом горести. Здесь мать, потерявшая сына, жена – мужа или сестра – брата, растрепав волосы, разодрав на себе одежду, бьет и царапает грудь и лицо, приговаривая, что покойник дрался, как лев, но, уступая, сам решил умереть со славой, не отдаваясь живым в руки гяуров (неверных); похороны делаются по обыкновению, но камень над могилой ставится с надписью его подвигов и с изображением, каким орудием он убит. Бывали, однако же, примеры, что партия горцев окружалась со всех сторон нашими войсками, так что всякое средство к спасению невозможно. В такую критическую минуту первый предводитель партии сходит с лошади и тут же закалывает ее, примеру его следует вся партия, из этих трупов складывают род завала, и при пении предсмертной песни защищаются до последнего оставшегося в живых¹⁸. Если же горцы предупреждены об угрожающей опасности какому-нибудь аулу, тогда в то же время извещаются ближайшие соседственные ему аулы с призывом принять участие в обороне и в то же время делаются оборонительные приготовления. Все лесистые места по проложенным дорогам перерываются канавами и делают завалы, последние занимают горцы всеми своими силами, исключая часть из них, назначенную для наблюдения за движением неприятельским, эта передовая стража завязывает дело с нашими стрелками или конницей, стараясь наводить преследователей на засады. Но при крайних опасностях и слабой уверенности на защиту они на возвышениях лесистых гор ставят сметливых людей, и первый из них, где ближе угрожает опасность, зажигает нарочито приготовленный костер, от показавшегося дыма его принимает другой и так далее; по этому незатейливому телеграфу стекаются к тому месту или аулу, со стороны которого показался первый признак дыма, со всех сторон вспомогательная защита. Случается также, что такое призывание на помощь повторяется несколько раз, и *сикурс* (помощь, поддержка. – *Изд.*) усиливается. На плоских же местах, не огражден-

¹⁸ Подобный случай был в 1818 году: центральный начальник Кавказской линии, артиллерии полковник Ю. П. Коцарев, преследуя разбойника, известного во всех горах своей неустрашимостью и жестокими беспощадными грабежами, Дженбулата, с восьмьюстами отчаянных абреков, нагнал его при переправе через реку Терек, благоразумным и быстрым движением окружил партию отчаянных со всех сторон, отняв всякую возможность к спасению, заставил их в засаде своей из животных биться до последнего. Все, исключая одного, спасшегося каким-то чудным случаем, перебиты так, что ни одного не осталось раненым. Память о Коцареве и до настоящего времени страшна горцам: они без содрогания не могут вспоминать о смерти страшного в набегах Дженбулата.

ных горной природой, горцы все вообще бывают конные и дерутся против нашей кавалерии с удивительным искусством и стойкостью; но с приближением пехоты нашей с орудиями ретируются к горам или в лесистые места, не имея духу атаковать пехоту нашу на чистом поле: не только вполсилы, но и одной роты довольно остановить напор до 800 и более горцев. Вообще, в Центральной полосе и на Правом фланге Кавказской линии горцы дерутся конными, за исключением таких случаев, если бы нападение обращено было прямо на жилища, тогда, отправив жен и детей со всем имуществом в горы и леса, мужчины остаются в домах, избранных для удобной обороны, и отстаивают до последней возможности каждый из них; но если бы сопротивление не могло удерживать занятой ими защиты, тогда постоянно переходят в другие сакли, которые ближе к горам или лесу, чтобы в последнем, крайнем случае можно было иметь верное спасение, на плоскости же остаются одни конные для удержания неприятеля от стремительного нападения. Горцы Левого фланга более действуют пешими, по причине гористых и неприступных лесистых местностей; конные всадники их далеко уступают закубанцам и Кабарде, но пешие они дерутся отчаянно и с таким ожесточением, что, если меткий выстрел из ружья или пистолета изменил руке и глазу горца, тогда он выхватывает кинжал и, чтобы вознаградить свой неудачу, бросается с бешенством к неприятелю, несмотря на неравное число врагов своих, и если не встретит отчаянного удара штыка, то гибель защищающегося неизбежна. Впрочем, в нынешнее время все изменилось, и воинственный дух в горском народе вышел из той важности, которую должен был наследовать от предков своих.

В прошедшем столетии и в начале настоящего, когда еще Большая Кабарда разделялась на четыре самостоятельных княжеских владения: Кайтукина, Бек-Мурзина, Атажукина и Мисостова, одно от другого независимое, князья их имели неограниченную власть над своими подданными и, как представители каждый своего удела, удерживали самостоятельность свою наблюдением за равновесием прочих владетельных особ, не унижая власти каждого из них и не подчиняясь мнению сильного; в противном случае порождались несогласия в защиту прав и равного достоинства, сохраняемого свято в их обычаях. Тогда Большая Кабарда вместе с Малой, под владетельным управлением князя Бековича-Черкасского, могла выставить до пятнадцати тысяч панцирников. Это не простые воины, которыми мог бы назваться каждый кабардинец, нет! Это люди, испытанные в военном бою, это рыцари, готовые на жизнь и смерть. Вооружение их состояло из лука с пятьюдесятью в колчане стрелами, сабли дамаской и пистолета – вот весь боевой снаряд панцирника. Каждый из них имел помощника, избранного из отважных товарищей, обязанного защищать господина своего во время военное до последней возможности. Редко были случаи, чтобы избранный в это почетное звание пережил своего рыцаря: оба они должны пасть один подле другого или оставшегося в живых ожидает посрамление не только в его лице, но и на все его потомство.

Суеверие

Ни в одном народе нет столько суеверия, как у кавказских горцев: все, что было им внушено во время детства, передано в рассказах о бесплотных духах, привидениях, мертвецах и прочих чудесах, доступных самому грубому невежеству, – всему верят с такой искренностью и убеждением, как будто всякий из них был личным очевидцем чудесных событий. Нет горца, который бы не был уверен в заговоре всякого огнестрельного и холодного оружия и в колдовстве разного рода. Муллы, пользуясь суеверием народа, выписывают из Алкорана молитвы и, зашивая их в сафьянные свертки разной формы и цвета, отдают желающему (конечно, не без возмездия), и эти талисманы, или амулеты, нашиваются на бешметах и верхнем платье с полным убеждением в чудесах этого таинства. Но если бы, несмотря на эту защиту, встретилось с горцем какое несчастье, и даже рана или смерть на войне, тогда духовник приписывает такой случай противодействующей причине. Ворожба их разделяется на несколько степеней: бобы; нитки, перепутывающиеся между пальцами, и по фигурам, какие будут сплетаться, заключается событие будущего; утренние и вечерние зори. Здесь определяются предсказания по восходу солнца и чем появление его окружается: лучами или облаками, какого цвета и фигур – по этим признакам предсказывается будущее. Нашептыванием на разные коренья, травы и воду исцеляются все воспалительные болезни и лихорадки; против последней муллы дают отписи из Алкорана. Наружные язвы, в особенности раны, исцеляют соком из трав, ими известных, или из них же составленной мазью; но, прежде чем должны приступить к постоянному лечению, рану очищают растопленным свежим коровьим маслом в такой температуре, что едва больной может выносить, и эта операция повторяется три и более раз, смотря в каком положении будет рана. Такое предварительное очищение язвы предотвращает от дикого мяса и антонова огня, и с помощью травных мазей или пчелиного пластыря, находимого в ульях вроде гнета, рана скоро исцеляется. Опытность горцев в лечении ран как свежих, так и застарелых, от какой бы они причины ни произошли, никогда не допускает до такого состояния, чтобы больной мог лишиться пораженного члена, и потому между горцами за редкость можно встретить изуродованного или калеку, за исключением естественных причин. Костоправы горцев заслуживают всякого удивления: искусство их и легко, и всегда верно.

Если же нужно узнать удачу или худые предсказания замышляющей партии на грабеж, тогда гадатели, или авгуры, закалывают годовалого барана; по снятии кожи и по очищении внутренности вся туша кладется в котел, наполненный водой, и ставится на огонь; когда же мясо будет сварено, тогда, вынув из котла, разделяют его по частям, но кость правой лопатки тщательно очищают от мяса и вторично кладут в котел, кипятят до совершенного обнажения от покрывающих ее частей, так чтобы все линии на кости лопатки были ясны: по этим чертам горский хиромантик разгадывает счастье или неудачу предпринимаемого намерения; если признаки не благоприятствуют, тогда партия разъезжается по домам до другого случая. Это ворожба военных предприятий.

Администрация и некоторые законы

Всякое племя разделяется на четыре сословия: а) княжеское; б) уздени 1, 2 и 3-й степени (первые две степени суть потомственные дворяне высшего класса, получившие звание свое от султанов, последние возводятся в это достоинство за заслуги, а иногда по капризу владетельных князей. Владелец, желая возвысить слугу своего или подданного, жалует в уздени и одаривает избранного конем, своим оружием и одеждой, снятой с плеч своих: почему этой степени дворяне называются княжескими; они избавляются с семейством от всех княжеских работ, кроме готовности быть всегда, везде и во всяком случае при лице своего господина); в) вольноподвластные, поселившиеся на условиях в княжеском владении, и г) крепостные, приобретенные покупкой или наследованные от предков. Все эти классы повинуются владельцу. Но поселившиеся на условиях могут, по желанию своему, переходить от одного владельца к другому, и желания их не могут быть остановлены помещиком, и иже [не может] распространить власть свою на собственность переселяющегося; впрочем, такие примеры редки: надобно, чтобы были сильные к тому причины со стороны владельца, иначе ни один не решится нарушить изустного условия, оно для горца свято. Что же касается крепостных, то воля князя не ограничена как в жизни, так и в имуществе; этот класс людей безмолвно покоряется своей участи; на нем лежат все хозяйственные владельческие работы; одним словом, князь есть закон, и закон грозный¹⁹. За всем тем, как бы ни тяжела была участь рабов, но они не подвергаются телесному наказанию, или другим истязаниям и утеснению: свободно производят полевые и все прочие работы, платя князю условную долю от заработков, все же прочее приобретение остается в их пользу. Бывают, однако же, случаи, что нерадивые и непотребной жизни крестьяне подвергаются наказанию, но такие примеры также редки. Если же крестьянин бежит, учиня воровство или убийство, и будет отыскан, то уличенный в таком поступке подвергается смерти или жестокому истязанию и лишению собственности, смотря по преступлению; семейство же его, как малонадежное к пользе владельца, продается поодиночке в разные руки, и тем истребляется зло, как зараза, легко прилипающая к слабым и распространяющая плод свой от малейшего соприкосновения.

За несправедливую обиду претендатель тут же должен обличить виновного перед посторонними свидетелями и отмстить при них же за понесенное нареkanie, если только обидчик не принесет перед всеми обиженному извинения; хотя это примирение и должно бы уничтожить всякое негодование, но горец так щекотлив и мстителен, что никогда не забывает самонаималейшей обиды и будет изыскивать все средства отплатить за себя, если бы на это нужно было десять лет времени. Для разбора же подобных дел между князьями, если нанесенная обида не может оканчиваться миролюбием и если обиженный не замышляет кровавого мщения, то может просить адата²⁰.

Все домашние несогласия или разбор семейных ссор судятся и разбираются главой семейства, а потому никакая власть не может вмешиваться в семейные раздоры, не подвергаясь посрамлению. Как бы ни жестоко было домашнее наказание, никто из мужчин не вправе спрашивать ни о причине жестокости, ни о здоровье женского пола: эта обида и стыд очищается только кровью; одни мы, христиане, исключены из ответственности по незнанию нашему этого обычая, но если вы обратите внимание на лицо, к которому относится вопрос ваш, то можете заметить недовольную мину горца, онемевшего от такой неожиданности.

¹⁹ Со времени подданства России все, под именем мирных, более управляются под покровительством нашим, и самовластие владельцев ограничено нашими законами и правилами, особо изданными, дабы дать всякому справедливую защиту против сильного.

²⁰ Адат – суд по правам древних обычаев, шариатский же суд – по разуму Алкорана.

Некоторые законы из алкорана

По шариатскому закону, из книги Муада Зода, определяется: «Если родные дети или ближайшие наследники знали и видели, что отец их или родственник продал или подарил какую вещь, даже часть имущества, стороннему лицу и о том умолчали, то по смерти первого приобретателя не вправе иметь судебный иск о возврате подаренного, ибо в книге Алкорана Шархумиг Масурль Бахрен сказано, что всякий подарок, чего бы он ни стоил, не может быть отобран ни подарившим оный, ни наследниками его». В книге Дурах Мухтора говорится что если наследники, желая возвратить подаренное отцом их или родственником, будут утверждать, что подарок перешел к взявшему его не добровольным путем, а принят в лихоимство, и если со стороны ответчика будет достаточное опровержение, то суд далее не может продолжаться, и претендателям отказывается даже и в таком случае, если бы со стороны их представлены были свидетели.

Всякое завладение чужой собственностью или воровство без убийства не считается у горцев уголовным преступлением, и потому разбор жалоб их решается шариатом по разуму статей Алкорана, приличных обстоятельствам, или же по преданиям древних обычаев. Первый, как зависимый от понятия духовенства, большей частью, или, лучше сказать, без исключения, не бывает соразмерен удовлетворению претензии. Все решение заключается на произвольном толковании священной книги, следовательно, с пристрастием со стороны задобрившего судью; в этом случае горцы прибегают, кроме рабского состояния, к адату, и решение избранными в судьи стариками не подлежит уже никакой апелляционной форме: оно обсуждено и решено по строгой совести и опытными примерами. Впрочем, эти дети природы, не постигающие ни письменности, ни гражданских прав в защиту своей собственности, всегда почти рассчитываются с обидчиками по своим привычкам, тем же взаимным порядком, и всегда с лихою: зачинщик, как виновный, не имеет права искать законной защиты, зная, что дело продлится до неопределенного времени, и что, по обычаю их, такого рода возмездие слишком свойственно, да и никто не может протестовать о самоуправстве в таком народе, где всегда и все совершается на праве сильного.

К числу гражданских законов принадлежат также и духовные обряды:

а) исполнять все заповеди, молиться усердно и уделять неимущим, калекам и изуродованным десятину от избытков;

б) каждую пятницу, седьмой день в неделе (джума гун), собираться в мечеть (молитвенный дом) для общей молитвы;

в) в два годовых праздника Рамазан держать пост, продолжающийся от начала рождения луны до появления новой, совершать моление в мечети. Обряд поста заключается в строгом воздержании, и потому ни один магометанин весь день не употребляет ни пищи, ни питья до появления первой звезды, тогда начинается пир и продолжается до полуночи; потом прочитывается молитва, и всякий предается сну; с первой же появившейся денницей все просыпаются, делают омовение и становятся на молитву, выпив один или два глотка воды, разведенной солью, как бы к возбуждению жажды для перенесения вместе с голодом. Таким образом продолжается это воздержание двадцать восемь дней, в память побега из Мекки в Медину пророка их, Магомета, и укрывательства его от преследования. В последний день поста, после заката солнечного, несколько молодых людей выходят вооруженными за аул и занимают высоты, а некоторые помещаются на крышах домов своих и стерегут появление луны: первый узревший с радостным криком делает выстрел, от него принимают другие, тогда открывается повсюду празднество, поздравления и угощения, продолжающиеся семь дней в скачках, пляске и других забавах. Праздник же, называемый Курбан-байрам, состоит из трех дней и принят с меньшей важностью;

г) всячески стараться воздерживать себя от соблазна женщин, пьянства и воровства;

д) в молитвенном доме соблюдать всю строгую благопристойность, не разговаривать даже шепотом, не оглядываться по сторонам, не заводить споров, а тем более драки и не оспаривать ложной клятвой, а предаться от глубины сердца единому Богу.

Наблюдение за таким порядком относится к обязанности владельца. Если кто учинит воровство в том ауле, где живет, хотя на цену одного рубля и менее, подвергается уплате двадцати рублей серебром. Кто уворует у родных, когда имение, в котором он сам имеет часть, еще нераздельно, не подвергается никакому изысканию. Если же раб украдет у господина своего или последний у раба, оба не подлежат пени. Учинивший в мечети спор платит десять рублей серебром, но по решению шариата проситель, или ответчик, за неправильный иск платит три рубля серебром в пользу владельца. Кто не явится в молитвенный дом хоть один раз в сутки²¹, тот платит пени три рубля серебром, если он совершенных лет и не был одержим болезнью. Если всякий возвратившийся из отлучки до заката солнца не был в мечети, платит три рубля серебром; но если же он прибыл в дом свой в сумерках, не подлежит наказанию. Все штрафы от узденей и вольных принадлежат владельцу, а штрафы, взыскиваемые с холопей, – господам их. Если же сам владелец или холоп его будут уличены в воровстве, платят штраф по пятидесяти рублей серебром в пользу всего аула; равным образом владелец платит в пользу аульной кассы десять рублей серебром, если он не был в мечети на семидневной молитве. О дознании виновных выбираются всем аульным обществом депутаты, или надзиратели поведения: без их свидетельства о нарушении постановленных обычаями правил никто не может налагать штраф; но если бы обвиняемый оказал сопротивление в уплате налагаемого взыскания, тогда депутаты берут от него против воли двух быков или коров в пользу главного владетельного князя; если же воспротивился бы такому налогу и сам владелец, тогда все аульное общество настоятельно взыскивает с него пятьдесят рублей серебром в пользу общественную, и он не может отказаться, не подвергаясь нареканию или потере уважения. Как сам главный владелец, так и частные не вправе назначать денежное наказание, ибо эта повинность воспринимает свое действие тогда только, когда вина открыта депутатами и виновный будет уличен.

Закон уголовный более отличается строгостью от гражданского: убийцы преследуются кровомщением, если только не войдут в положение обеих сторон люди, заслужившие общее уважение, чтобы склонить враждующие стороны к денежному вознаграждению; тогда только мстительное убийство, изобретаемое всякими дозволенными и недозволенными средствами, может остановить самое жестокое мщение; но если враждующие стороны не могут окончить ненависти своей мирным согласием, то кровная месть превзойдет всякую меру жестокости и не будет еще удовлетворена, если бы истребилось до последнего одно из враждующих семейств. Такое кровомщение может простираться до седьмого колена или до того времени, когда у потомков обеих сторон не останется в памяти и следов вражды предков их; но такой случай почти несбыточный: матери передают грудным детям своим о нанесенном оскорблении их фамилии, и дитя, всасывая с молоком ненависть и мщение, делается с возрастом новым и сильным врагом виновного – и кровопролитие бесконечно!

Нередко бывают и такие случаи, что по истреблении одного из враждующих семейств не останется ни одного мстителя ни из домашних, ни даже из родственников, тогда этот кровавый обет принимают на себя друзья или сторонние, и междоусобие с такой же жестокостью и хитростями всякого рода, допускаемыми обычаем, возобновляется. Так неизменны горцы и так непоколебимы в своем честолюбии: всякий из них нелегко забывает свою обиду, если не омоет ее потоками крови.

²¹ Набожные старики должны быть в молитвенном доме пять раз в сутки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.